- Кто ты? - Он чувствовал, что человек перед ним был лучше и красивее, чем звезды на телевидении, и имел темперамент, как принц древней империи. Позади него была еще одна голова, и его глаза встретились с ее глазами. Глядя на мальчика перед ней с обнаженной верхней частью тела и пеной на голове, он выглядел немного забавно, но Лин Си не могла смеяться. - Сяо Ди. Хотя она выглядела немного по-другому, в конце концов, они были вместе так много лет, так что с первого взгляда он все еще узнавал ее. - Конечно, это ты, эта женщина. Тебе было недостаточно потерять работу моей матери. Что ты теперь хочешь делать? Перед Лин Си Сюй Ижи нахмурился, его глаза излучали чувство опасности. Мэн Цзициди немного боялся человека перед ним, чувствуя, что его глаза могут есть людей, его тело было холодным. Его глаза сразу же увидели другую сторону. - Хэй, не думай, что я боюсь тебя, потому что у тебя есть мужчина. В сердце Лин Си была скрытая боль. Хотя это было самоутверждение Оу Мэнсюэ, но то, что ее мачеха потеряла работу, она действительно не могла сказать, что это не имело никакого отношения к ней. - Я просто хотела увидеть вас, ребята. - Не будь лицемеркой. Тебе не рады в нашей семье. Убирайся отсюда. - Он попытался оттолкнуть ее рукой, но был крепко схвачен Сюй Ичжи. - Ты отпусти меня. Отпусти. - После долгой борьбы он все еще не мог освободиться. Хотя такого рода сцены уже ожидались, ее сердце все еще не могло принять боль. Когда она была маленькой, ее брат и сестра часто оставались позади нее, но теперь они стали врагами. - Поскольку мамы там нет, я приду к ней в следующий раз. Сдерживая слезы, которые текли из ее глаз, она потянула Сюй Ичжи за руку и спустилась вниз, и через мгновение слезы скатились по ее щекам. Мэн Цзициди был ошеломлен у двери. У него только что была слуховая галлюцинация? Мэн Цзициди вернулся в дом и увидел, что его сестра сидит на корточках в углу кухни и плачет. - Сестренка, почему ты плачешь? Мэн Цзимяо вытерла слезы. - Дым ... это все от дыма.... он был слишком велик. Иди помой голову, а когда мама вернется, мы поужинаем. - Сестренка, знаешь, что я только что услышал? - Не знаю. - Глаза Мэн Цзимяо были яркими, и ее обиды могли быть скрыты только в ее сердце. - Я только что слышал, как она звала маму. Мэн Цзимяо вернулась к еде и спросила, повернувшись к нему спиной: Мы зовем ее "мама" каждый день, чего ты суетишься? - О. - После того, как Мэн Цзициди ушел, сердце Мэн Цзимяо стало тяжелее. Последние 15 лет они не слышали, как она зовет "мама", забудь об этом, не думай об этом, в любом случае, ей было не по себе. Мэн Цзициди, который только что открыл кран, внезапно закричал и бросился к кухонной двери. - В чем дело? - Сестренка, я только сейчас вспомнил... этот человек, разве это не твой бывший кумир Elvis? Я просто сказал, что он выглядит знакомо. - Elvis? Как такое возможно? Ты что, слепой? - Нет, я не слепой. Он был точно таким же, я просто не помнил, когда увидел его. - Ладно, ладно, ты слепой, мойся быстро, и в будущем не мой голову моющим средством. Я купила шампунь, он в сумке за дверью. - Все в порядке, вы с мамой пользуетесь шампунем. Стиральный порошок дешевый, я им воспользуюсь. ... Лин Си отпустила руку Сюй Ичжи и вытерла слезы. Увидев ее печальный вид, сердце Сюй Ичжи тоже последовало за ее болью, и он нежно положил ее голову себе на грудь, нежно утешая ее. Хотя он не сказал ни слова, но поскольку она была в его объятиях, его сердце было очень теплым. Она не была грустной или обиженной. То, что они жили здесь, было все благодаря их собственным стараниям, и единственное, что она могла сделать, это компенсировать боль в их сердцах.